

Ю. Л. ПИВОВАРОВ

Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века

Двадцатый век настолько обнажил
конструкции людской несомненности,
что явно и надолго отложил
надежды на всеобщее блаженство.

Игорь Губерман

Исследование урбанизации в нашей стране имеет свою сложную судьбу. Сначала в течение десятилетий урбанизация просто не признавалась как один из важных процессов, оказывающих существенное влияние на формирование человека, среды и общества. Затем в 70—80-х годах ее стали рассматривать прежде всего в рамках формационных особенностей развития систем производства и расселения при значительной недооценке ее глобальных закономерностей и социально-культурных и цивилизационных основ. Утвердился и тщательно оберегался философски несостоятельный подход, согласно которому урбанизация (как и другие социальные процессы) легко управляема, ее сущностные характеристики якобы могут просто формулироваться руководителями в зависимости от тех или иных выдвигаемых ими целей.

При таком подходе оценка специфической советской урбанизации зачастую была крайне односторонней, акцентирующей внимание лишь на бесспорных количественных данных о росте городского населения СССР в 30—80-х годах. До серьезного же анализа качественных сторон отечественной урбанизации (образа и условий жизни горожан, их культуры, состояний городской среды, ее разнообразия и т. д.), ее сути и стратегии развития с учетом имеющегося мирового опыта дело обычно не доходило.

Указанный подход, напрямую связанный многие десятилетия с теорией формаций в советском общественном знании вообще и в экономической и социальной географии в частности, обусловил господство ложных представлений об «узко-производственной базе» урбанизации. Сегодня, когда все чаще встречаются попытки в разных областях науки осмыслить общественное развитие вне формационного подхода, в рамках иных концепций (философско-антропологической, глобально-экономической, социокультурной, экологической, цивилизационной и др.), наиболее плодотворным представляется использовать для изучения урбанизации антропокультурный подход, имеющий, кстати, немалые традиции в истории оте-

Пивоваров Юрий Львович - доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

чественной науки. В этом случае в качестве исходного звена для изучения глобальных процессов принимается человек во всем его многообразии. Ведь сегодня становится все более очевидным, что причины урбанизации не сводятся к производству, расселению, ресурсам или территории (хотя все это очень важные факторы), а складываются из многомерной совокупности параметров жизни человека, прежде всего связанных с развитием культуры и цивилизации в их широком понимании. При этом анализ российской урбанизации не может не учитывать процессов и закономерностей, предопределивших развитие городов в разных регионах мира.

Мировая урбанизация и эволюция географических представлений

Невиданные темпы и масштабы урбанизации во второй половине XX века не случайно получили название «городской революции». Только за первые ее 20 лет (1950—1970) прирост численности горожан в мире был немногим меньше, чем за всю предыдущую историю человечества (83,4%), а за следующие 20 лет (1970—1990) этот прирост увеличился еще на 68,7%. Всего же за 1950—1990 годы численность городского населения мира выросла почти в 3,1 раза и сохраняет тенденцию к дальнейшему значительному росту. Мы стали свидетелями ошеломляющего по темпам образования единого и вместе с тем весьма дифференцированного городского мира [1], который утвердился прежде всего в развитых странах (с 50-х годов), а к 2020 году, по оценкам демографов ООН, станет преобладающим и в развивающихся странах. Это составляет важную особенность процесса урбанизации во второй половине XX века. В 1990 году в развивающихся странах проживало уже 61,4% всех горожан мира (в 1950 году только 38,7%), а к 2025 году, по прогнозам демографов ООН, в них будет сосредоточено почти 80% всех городских жителей.

Рост городов в развивающихся странах в силу их специфики оказывает большое сдерживающее влияние на качественные стороны развития мировой урбанизации, на ее резкую пространственную дифференциацию. Ведь в этой группе стран подавляющая часть горожан — вчерашние сельские жители, которые часто способствуют «деревенизации» города, привнося в него нормы поведения, системы ценностей и т. д., свойственные сельской местности. Глубокие структурные сдвиги не следуют автоматически за сменой среды, например при переезде из деревни в город, тем более когда речь идет о переселении большой массы населения в короткий срок [2].

Сказанное в первую очередь относится к странам в недавнем прошлом с низкой долей городского населения и с наиболее высокими темпами прироста численности горожан в 1950—1990 годах, таким как Нигерия (ее столица Лагос за этот период выросла почти в 27 раз и, по прогнозам демографов ООН, к 2000 году выйдет на 8-е место среди агломераций мира), Турция или Иран, а также к странам, обладающим наибольшей «городской массой» с высокими темпами ее прироста в этот период — Китай, Индия, СССР, Бразилия, Мексика, Индонезия (табл. 1). На другом полюсе находятся развитые и наиболее урбанизированные страны Северной Америки, Западной Европы и Япония с высокой долей городского населения и вместе с тем с достаточно значительными темпами его роста во второй половине XX века особенно в США, Японии, Германии, Великобритании, Франции (см. табл. 1).

Следует иметь в виду, что в большинстве развивающихся стран из-за чрезмерного притока населения в города в них часто живет значительно больше населения, чем они в состоянии «переварить», развитие городов сопровождается ростом не ассимилированных ими городских жителей и увеличением разрыва между ростом городского населения и его реальным включением в городской образ жизни (по характеру занятости, уровню образования, культуры и т. д.). Рост населения в городах, значительно опережая спрос на рабочую силу в современных отраслях, сопровождается не только абсолютным, но подчас и относительным

Таблица 1

Динамика численности городского населения

Страны	Городское население (млн. чел.)	Прирост		Доля городского населения(%)		
	1950 г.	1990 г.	абсолютный (млн чел.)	относительный (%)	1950 г.	1990 г.
Китай	60,9	380,8	319,9	525,2	11,0	33,4
Индия	61,6	230,2	168,6	273,7	17,3	27,0
СССР	70,7	189,8	119,1	168,4	39,3	65,8
США	97,6	186,8	89,2	91,3	64,2	75,0
Бразилия	19,2	112,6	93,4	486,4	36,0	74,9
Япония	42,0	95,0	53,0	126,1	50,3	77,0
Мексика	11,9	64,3	52,4	440,3	42,7	72,6
Индонезия	9,8	56,2	46,4	473,4	12,4	30,5
Германия	36,1	52,6	17,5	48,4	72,3	87,4
Великобритания	42,6	50,9	8,3	19,4	84,2	89,1
Франция	23,4	41,6	18,2	77,7	56,2	74,3
Италия	25,5	30,3	13,8	54,1	54,3	68,9
Нигерия	3,3	38,1	34,8	1054,4	10,1	35,2
Турция	4,4	34,2	29,8	677,2	21,3	61,3
Иран	4,6	30,9	26,3	571,7	27,7	56,7

расширением тех слоев, которые не участвуют ни в современном производстве, ни в современном потреблении и остаются, в сущности, неурбанизированными. Урбанизация сопровождается ростом безработицы; в городах наряду с современным сектором экономики растет неорганизованный сектор с массой мелких предприятий в сфере производства и обслуживания. Городское хозяйство не справляется с растущими потребностями. Другими словами, наблюдается явление, обозначаемое иногда в литературе как «ложная урбанизация».

Однако в развивающихся странах урбанизация все-таки больше связана с развитием промышленности и с индустриализацией, чем может показаться на первый взгляд. Только эта связь не столь прямая и непосредственная, как ранее в Западной Европе и США. Поэтому отмеченные диспропорции в развитии городов не означают, что в странах Азии, Африки и Латинской Америки вообще нет подлинной урбанизации, а то, что происходит,— это «ложная урбанизация». Напротив, указанные черты объясняют своеобразие процесса урбанизации в развивающихся странах (по сравнению с Западной Европой и Северной Америкой), которая фокусирует все стороны их развития, может быть, в еще большей степени, чем в развитых странах.

С середины XX века в мире быстро растут крупнейшие города и агломерации с населением свыше 1 млн жителей. Их количество увеличилось в 1950—1990 годах с 77 до 275, а суммарная численность населения, соответственно, с 187 до 800 млн человек. Начался этап «сверхкрупногородской» урбанизации с формированием очень больших агломераций и наагломерационных структур расселения. В результате в 1990 году в агломерациях- «миллионерах» проживала 1/3 всех горожан мира. Особенно быстро растут они в странах Азии, Латинской Америки и Африки. В Азии в 1990 году насчитывалось 115 таких агломераций, больше всего в Китае (38), Индии (24), Пакистане, Индонезии и Южной Корее (по 6 в каждой из них); в Латинской Америке — 40, в Африке — 24.

Крупнейшие 20 агломераций мира в 1990 и 2000 годах

Ранг	Агломерация	Страны	Численность (млн чел.)		ранг 2000 г.
			1999 г.	2000 г.	ранг 2000 г. (прогноз)
ранг 1990 г.			1990 г.	(прогноз)	
1.	Токио	Япония	25,0	28,0	1
2.	Сан-Паулу	Бразилия	18,1	22,6	2
3.	Нью-Йорк	США	16,1	16,6	5
4.	Мехико	Мексика	15,1	16,2	6
5.	Шанхай	Китай	13,4	17,4	4
6.	Бомбей	Индия	12,2	18,1	3
7.	Лос-Анджелес	США	11,5	13,2	10
8.	Буэнос-Айрес	Аргентина	11,4	12,8	12
9.	Сеул	Юж. Корея	11,0	12,9	11
10.	Рио-де-Жанейро	Бразилия	10,9	12,5	16
11.	Пекин	Китай	10,9	14,4	7
12.	Калькутта	Индия	10,7	12,7	13
13.	Осака	Япония	10,5	10,6	21
14.	Париж	Франция	9,3	9,5	24
15.	Тяньцзинь	Китай	9,2	12,5	15
16.	Джакарта	Индонезия	9,2	13,4	9
17.	Москва	Россия	9,0	9,8	23
18.	Манила	Филиппины	8,9	12,6	14
19.	Каир	Египет	8,6	10,8	20
20.	Дели	Индия	8,2	11,7	18

Соответственно, эти страны выходят в лидеры и по формированию сверх-больших агломераций с населением свыше 8 млн жителей (выделяемых обычно демографами ООН). В 1950 году среди 20 крупнейших агломераций мира только 7 находились в развивающихся странах, а в 1990 году — уже 14, в том числе 7 из них входили в первую десятку (в 1950 году только 3). Сан-Паулу вышел ныне устойчиво на второе место среди агломераций мира, опередив Нью-Йорк и Мехико (см. табл. 2).

После возобновления изучения урбанизации в СССР (с начала 70-х годов) многие годы наблюдалось значительное (и оправданное) внимание к росту больших городов, агломераций, урбанизированных районов мегаполисного типа (т. е. к внешним пространственным формам этого процесса) и недостаточное — к сущностным факторам его развития, прежде всего к основному действующему лицу — человеку. И это несмотря на большие традиции российской географии начала нашего столетия, фундаментальные исследования по географии человека во французской, англо-американской, немецкой географических школах XX века. Недооценка человека при изучении урбанизации выражалась в изначальном моменте — определении этого процесса в первую очередь через рост городов, повышение их роли в жизни общества, появление новых форм расселения и других внешних (хотя и важных) форм процесса урбанизации. При этом сам человек оставался на втором плане. Такая трактовка процесса урбанизации отражала не только государственное (субъективное) отношение к нему, оторванность от мировой науки, неприятие ее многих достижений, но и объективный характер развития советской урбанизации как во многом квазипроцесса.

Тем не менее с углублением урбанизации происходит неизбежная эволюция самих социально-географических представлений о ней. Акценты в определении сущности этого процесса постепенно смещаются с анализа *роста городского населения*, его доли в населении страны (или района) на характер *концентрации населения* в крупных городах, агломерациях и наагломерационных формах расселения, затем на изучение *городского образа жизни*, норм поведения, качества городской среды и, наконец, на изучение *человека в городе* как феномена культуры и в более широком плане всей цивилизации [3—5]. Указанные признаки не противостоят друг другу; выделение же одного из них отражает лишь разные стадии познания урбанизации по мере углубления и самого процесса, и его изучения в отечественной науке.

В этой связи надо отметить важное обстоятельство в эволюции урбанизации. В развитых странах Запада уже достаточно давно завершены два основных ее этапа, связанных, во-первых, с переселением в города основной массы населения, сменой занятий и концентрацией в крупных городах и т. д. (количественные стороны урбанистической эволюции), а во-вторых, с утверждением городского образа жизни как феномена культуры и современной цивилизации (качественная сторона). В то же время в развивающихся странах, в России и в большинстве постсоветских республик (за исключением стран Балтии) процессы адаптации сельских жителей к городскому образу жизни, овладения ими городской культурой, соответствующими системой ценностей, нормами поведения и т. д. еще очень далеки от своего завершения. Здесь кроется важнейшее отличие российской урбанизации от западной.

Урбанизация в России в контексте глобального процесса: итоги, проблемы, перспективы

За последние 50—70 лет урбанистические процессы и структуры на огромных пространствах Европы и Азии — от берегов Эльбы до Тихого океана — испытывали сильное влияние тоталитарной системы и одностороннего развития экономики. В наибольшей мере это выражено в России, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, меньше — в государствах Балтии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии и других странах Центральной Европы. В целом наблюдался своеобразный «географический ход» военно-тоталитарных черт урбанизации: они нарастали по мере движения с запада на восток, а в России и на север.

В последние десятилетия на урбанизацию, как и на все территориально-экономическое развитие СССР и России в ее составе, оказали ощутимое воздействие военно-стратегические интересы в формировании хозяйства и освоении территории. Именно они определили многие негативные особенности отечественной урбанизации.

Высокие темпы роста городского населения России в послевоенный период отражали парадоксальное стремление создать современную военную экономику в мирное время в небогатой стране, сильно пострадавшей от войны, коллективизации и т. п. Поэтому огромные массы сельских жителей направлялись в разбухающие старые центры или во вновь создаваемые «социалистические» города. Это не могло не сказаться на развитии последних. Вместо постепенного их вызревания как очагов культуры обычно происходило превращение подобных городов в большие общежития при военных предприятиях-гигантах, в военно-промышленные поселения. Я не говорю уже о так называемых закрытых городах, которых нет ни на одной карте (а таковых в СССР было около 100). Все это во многом объясняет специфику советской урбанизации и актуальность возвращения многих городов России (как и других стран СНГ) в русло нормального развития.

Ведь обычно город как носитель урбанизации характеризует прежде всего концентрация разнообразия во всех сферах жизнедеятельности, а в конечном счете — концентрация культуры, ее высших достижений. В советских же ус-

Динамика городских поселений и численность городского населения России

Годы переписей	Число			Численность городского населения (млн человек)	Доля городского населения(%)
	городов	поселков городского типа	всех городских поселений		
1939	574	743	1317	36,3	34
1959	877	1495	2372	61,6	52
1970	969	1869	2838	81,0	62
1979	999	2046	3045	95,4	69
1989	1037	2193	3230	108,4	74
1993, начало года	1064	2094	3158	108,9	73

ловиях многие российские города, даже крупные, нередко сохраняли (и продолжают сохранять) исторически сложившийся «поселковый» характер, связанный с самой историей их формирования как суммы поселков при «своих» предприятиях. Такая «урбанистическая практика» породила и соответствующее отношение к урбанизации как к побочному продукту индустриализации, недооценку ее как очень важного и самостоятельного социального процесса.

Большие трудности урбанистического развития страны связаны с особенностями исторической, социально-экономической и антропокультурной эволюции России, которые в многовековой ретроспективе не привели к созданию единого социально-экономического пространства (в отличие, например, от военно-стратегического). Тем самым не были обеспечены необходимые предпосылки и для формирования непрерывных городских структур даже на относительно освоенной территории страны. Это во многом обусловлено социально-культурными традициями России и деструктивными процессами, многократно усилившимися после 1917 года.

В результате к концу XX века страна подошла без сколько-нибудь полного охвата коммуникационными системами, транспортом, связью, сферой услуг и другими элементами современной цивилизации огромной территории с суровыми природными и социальными условиями, с незначительностью накопленного национального богатства, низким уровнем жизни основной части общества, недостаточной его культурной оснащенностью, нехваткой социальных ресурсов. Следует иметь в виду также слабость традиции городской общины и самоуправления. Для судеб урбанизации в России важно отметить широкое распространение в последние десятилетия маргинальных слоев населения с размытыми ориентирами в жизни, неадекватностью реакций, промежуточным, «пограничным» {в том числе между городскими и сельскими нормами поведения) сознанием и т. п. (своего рода «социальных беспризорников»). Все это следует учитывать при анализе итогов и перспектив урбанизации в России на пороге XXI века.

В результате в качестве основного итога развития урбанизации в советский период мы имеем очень большой разрыв между ее количественными и качественными параметрами. Только в 1959—1989 годах городское население России увеличилось на 76%. Высокие темпы его роста (см. табл. 3) неизбежно сопровождались незавершенным, ущербным, односторонним характером развития. Так сформировались многие особенности урбанизации, связанные с низким уровнем жизни горожан, их культуры, качества городской среды, с узкой монопрофильной специализацией городов, сращиванием в них социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, с ухудшением экологической ситуации, критическим состоянием малых городов и другими негативными явлениями. Они определяют круг проблем, которые следует решать России в обозримой перспективе.

Все это во многом напоминает тип развития, характерный для развивающихся стран (о чем шла речь выше), и дает основание считать, что урбанизация в России (как и в других республиках бывшего СССР, за исключением стран Балтии) в 30—80-х годах носила черты квазипроцесса: она сохраняла внешние признаки урбанизации (рост городского населения, концентрация его в больших городах и агломерациях, их «расползание» и т. д.), но при этом во многом не соответствовала сложившимся мировым нормам и представлениям в части образа и уровня жизни населения и обустройства городской среды. А изучение урбанизации во многом носило вполне узнаваемый характер квазинауки.

Однако сказанное, вопреки прямолинейной логике, не означает правомерности ставшей в последние годы нередкой уничтожительной критики урбанистического развития России послеоктябрьского периода. Такая критика сегодня непродуктивна уже потому, что медленно, но верно разрушается прежняя система сверхмилитаризованной экономики и тоталитаризма, в рамках которой складывались соответствующая теория и практика городского и регионального развития. Кроме того, как известно, урбанистические структуры, формирующиеся десятилетиями и веками, весьма инерционны и дорогостоящи. То, что построено (особенно в бедном государстве), как бы это ни было неудачно, следует максимально использовать в ходе постепенной и достаточно длительной трансформации.

Из итогов развития урбанизации в России за последние десятилетия вытекают многие ее проблемы на ближайшую перспективу. Остановлюсь на нескольких наиболее актуальных, с моей точки зрения, для улучшения урбанистической ситуации в стране.

Прежде всего это проблема *больших городов, возрастания их роли как социально-культурных очагов урбанизации*. В 1993 году 170 больших городов России сосредоточили 68% городского и 46% общего населения. Они отчетливо выделяют основную полосу расселения России и важнейшие звенья ее территориально-экономического развития — столичные районы (Московский, Санкт-Петербургский), основные экономические оси и линии (вдоль Волги, Урал, Транссиб), морские побережья и т. д. Города с населением свыше 300 тыс. жителей и их окружение составляют «строгоорганизованные пространства» (термин Е. Лейзеровича), которые подверглись наиболее сильному антропогенному воздействию и являются основной ареной российской урбанизации. На другом полюсе — «слабоорганизованные пространства» (9/10 всей территории), редко заселенные (средняя плотность около 3 человек/км²) и слабо освоенные, с редкой сетью коммуникаций [6].

Большие города — главная фигура расселения России во второй половине XX века. И только по страшному недомыслию их судьбы на протяжении многих десятилетий определяла пресловутая формула — ограничение роста больших городов и развитие малых и средних,— кочевавшая систематически из одного партийно-государственного документа в другой. К сожалению, не одно поколение советских градovedов и градостроителей присягало на верность этой формуле. По меткому выражению Л. Когана, по существу, она стала проверкой на благонадежность, на лояльность режиму [7]. Фактически же политика ограничения роста больших городов (этих основных очагов урбанизации) и развития городов малых и средних (в большинстве не располагавших для этого необходимыми ресурсами) означала сдерживание урбанизации в стране. Особенно это касалось качественных параметров процесса и во многом способствовало углублению негативных черт советской урбанизации, о которых говорилось выше. Одностороннее функциональное развитие, индустриальная доминанта в ущерб социальной сфере, слабость социально-культурного потенциала, низкое качество городской среды, плохая экология и другие проявления недостаточного внимания к человеку в городе — все это плюс трудности переходного периода и экономического кризиса определили незавидное положение ведущей группы российских городов, а с ними и урбанистической ситуации страны в целом.

В связи со сказанным можно наметить следующие первоочередные проблемы развития больших городов на обозримую перспективу, имея в виду в качестве общей основы коренной пересмотр теории и практики государственного отношения к ним:

— резкое наращивание социально-культурного потенциала городов с учетом того факта, что во главу их развития должны быть поставлены потребности человека;

— значительное повышение качества городской среды;

— расширение функциональной структуры больших городов с учетом местных потребностей;

— резкое улучшение экологической ситуации, особенно в столичных и крупных промышленных центрах;

— разработка новых методов управления большими городами на основе учета закономерностей самоорганизации (внутренних процессов) и внешних воздействий;

— усиление процесса формирования пригородных зон больших городов [8].

Не менее, а может быть и более остро, чем проблема больших городов, стоит у нас *проблема городов новых*. Противоречия советской урбанизации, порождающие сегодня острые ситуации хорошо видны при анализе роли новых городов в системе расселения СССР—России. Эти города, составлявшие многие года предмет гордости советской градостроительной науки и практики и отражавшие социальный колорит недавней отечественной истории, способствовали быстрому количественному росту урбанизации. Именно на их долю приходилась значительная часть прироста городского населения и пополнения сети городских поселений в послеоктябрьский период. Стремительный рост новых городов в СССР был тесно связан с ускоренной, «скоротечной» индустриализацией и поверхностной, неподготовленной урбанизацией, со своеобразием освоения новых ресурсов и территорий. Вот почему из 2200 городов СССР в 1990 году 887 (40,3%) составляли города, созданные после 1945 года, а 1525 (69,3%) — после 1917 года.

«Пик» их образования приходился на 60-е годы, а их роль в системах расселения была весьма дифференцирована по районам разного типа. В старопромышленных районах России с исторически сложившейся густой сетью поселений она была невелика (например, в западных областях — Псковской, Смоленской, Брянской и др.). Напротив, во многих северных и восточных районах (Республика Коми, Урал, Кузбасс, Хабаровский край и т. д.) на долю новых городов приходится 75% общего числа городов. В этих же районах намного сложнее идет процесс формирования среды новых городов, их благоустройства, культурного развития, особенно в монопрофильных поселениях отдаленных районов на севере и востоке страны. Там уже в 70—80-х годах отчетливо намечались черты надвигающегося кризиса. Их развитие в отличие от новых городов в столичных и вообще старопромышленных районах европейской части шло обычно не «от города», а «от района». Такие города не имели, как правило, солидного городского «эмбриона» и условий для быстрого накопления социально-культурного потенциала. Именно в Сибири и на Дальнем Востоке особенно много новых городов, по существу, лишенных полноценной городской среды в ее современном понимании, необходимого социально-культурного потенциала, поскольку их создание не опирается обычно на длительные традиции. Отсюда сохранение «поселковых» черт в период советской урбанизации, характерное и для многих городов европейской части России.

Таким образом, к началу 90-х годов на первый план отчетливо выступает другая — качественная — сторона городского роста (которая раньше недооценивалась, а иногда просто «не замечалась»), особенно важная для судеб новых и отдаленных городов. Именно для этой группы городов наиболее актуальным становятся преодоление «поселковости» и создание полноценной городской среды, необходимого социально-культурного потенциала. В наше время реальная оценка их состояния выявила огромные расхождения между идеями, вопло-

Рост населения основных городов агломерации Набережные				Челны (тыс. чел.)	
Города	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1994 г.
Набережные Челны	16	38	301	500	532
Нижнекамск		49	134	191	208
Елабуга	22	32	36	54	65

щавшими некие абстрактные идеалы и утопии при основании новых городов 20—30 и более лет тому назад, и суровыми реалиями их функционирования, которые переход к рынку еще более усугубил. Правда, опыт создания новых городов во многих странах мира также не оправдал возлагающихся на них надежд, но масштабы их строительства (а следовательно, и разочарований) в этих странах не соизмеримы с советскими¹.

В России к тому же очень велики размеры отдельных новых городов, таких как Тольятти или Набережные Челны, созданных при автозаводах-гигантах в Среднем Поволжье. Здесь отчетливо обнаружились многочисленные просчеты градостроителей и проектировщиков. Так, Камский автозавод был построен в типичном аграрном районе, где в 1960 году самым заметным городом была Елабуга с населением 22 тыс. жителей. Но в 60-х годах началось строительство нового города Нижнекамска и нефтехимического комбината, затем Нижнекамской ГЭС около Набережных Челнов и, наконец, в начале 70-х годов создание Камского автозавода и крупное жилищное строительство в Набережных Челнах. В результате в 70—80-х годах в значительной мере «на пустом месте» сложилась крупная агломерация городов с населением около 1 млн. человек (см. табл. 4).

Только в 1970—1986 годах в указанную агломерацию, и прежде всего в ее центральный город Набережные Челны, прибыло на постоянное жительство около 500 тыс. человек, в том числе примерно 140 тыс. из-за пределов Татарстана. Столь высокие темпы роста не только вызвали отставание развития социально-культурной сферы и качества городской среды от современных потребностей населения, но и поставили очень сложные проблемы их поддержания (не говоря уже о дальнейшем совершенствовании) после акционирования КАМаза и других событий, связанных с переходом к рынку, с децентрализацией экономики и усложнением взаимоотношений между Центром и регионами.

Органические недостатки создания новых городов в СССР, на которые старались не обращать внимания в тоталитарном государстве, в переходный период заявили о себе со всей определенностью и тем самым развеяли еще один миф. В зарубежной Европе молодые города, заложенные в 50—60-е годы, опирались на живые традиции городской общины и самоуправления в компактных небольших странах с близко расположенными исторически сложившимися крупными центрами. В России же с ее крестьянско-общинным прошлым, с огромными пространствами, разнообразием регионов и другими особенностями процесс создания новых городов был значительно затруднен. Свою роль сыграла также идеология «человек при производстве» и, как следствие — «город при заводе» [10].

Произвольное, без учета потенциала крупнейших центров, массовое по масштабам «десантирование» новых городов в огромные пространства России, стремление с их помощью осваивать все новые и новые ресурсы и территории создавало сложнейшие социальные, экономические, культурные проблемы, что тормозило развитие общества в самых различных сферах. Вот почему естественный для нормального хода урбанизации приоритет исторически сложившихся культурных центров — больших городов — был «прокинут». Их социально-культурный

¹ Например, в Великобритании — стране, внесшей заметный вклад в теорию и практику создания новых городов, — в 1946—1990 годах возникло 34 таких города, во Франции — всего 9, в США — 52 [9].

потенциал произвольно, без учета длительности воспроизводства и реализации на новом месте, долгие годы неразумно «перекачивался» в районы нового освоения, в том числе и в новые города. При этом оскудевал не только социально-культурный потенциал крупнейших городов, но и разрушался сам генофонд горожан в очагах урбанизации, истончался их массовый средний слой [10, с. 16]. Тем самым кардинально не решались проблемы развития ни крупнейших, ни новых, ни малых городов. С этим пришлось столкнуться теперь. А вместе с тем еще более обострилась проблема освоения восточных регионов России.

Вековая задача *освоения восточных и северных районов России* сегодня получает новый поворот. Он связан с целым рядом обстоятельств, и прежде всего со снижением значимости военно-политических, военно-стратегических, ресурсных и некоторых других факторов и с повышением урбанистических, социальных, культурных и в более широком плане цивилизационных основ развития современного общества. Этот поворот подготовлен предшествующим развитием и наметился еще ранее. Особенно он был замечен при изучении урбанистической ситуации в СССР—России в 50—80-х годах с антропоцентрических позиций [4].

Движение производства и, соответственно, населения на восток в последние десятилетия было весьма впечатляющим по масштабам, если отвлечься от той цены, которую за это пришлось заплатить. И речь идет не только и не столько о себестоимости сырья и товаров, которые там производятся, сколько о качестве жизни населения на огромных просторах азиатской части России. Это особенно остро ощущается сегодня, когда процесс мирового производства и цивилизации в целом связан в первую очередь с культурной оснащенностью общества, его социальными ресурсами, взаимодействием с мировым хозяйством, а не с освоением природных ресурсов (при всей их важности). Поэтому наша страна не смогла ответить на вызовы времени [6]. Перед современной Россией встает задача формирования непрерывных городских структур, которая отличает развитые страны Запада, охват всего освоенного пространства энерго- и коммуникационными системами, транспортом, связью, сферой услуг и т. д. Это заставляет по-новому взглянуть на традиционную проблему Запад—Восток в современной России.

Среди факторов освоения пространства и у нас все большее значение приобретают городской, социально-культурный потенциал, возможность пользоваться набором элементов современной цивилизации в пределах транспортной доступности для всего населения страны. Поэтому в стратегии городского и регионального развития важно определить реальное соотношение и темпы динамики между урбанизированными старопромышленными районами европейской части России и азиатской частью страны с ее разреженной сетью городов и коммуникаций, суровыми социальными и природными условиями. Приходит понимание того, что темпы и масштабы освоения восточных районов, формирования в них новых городов во многом определяют сложившиеся крупнейшие центры. В нашей истории этой истиной постоянно пренебрегали, и в итоге неразумно истощались урбанистические ресурсы запада страны, прежде всего Московского и Ленинградского регионов, при этом за их счет не создавались полноценные города на востоке. Тем самым мы растрчивали немного, что накопили в ходе трудного развития городской культуры, теряли ее воспроизводственные возможности. Это мешало использовать важнейшие преимущества урбанизации, нарушало ее естественный ход. Чрезмерность форсированного движения на север и восток России отчетливо показал анализ существующей сети новых городов и урбанизированных структур, особенно за Уралом. Здесь явно низки качество городской среды, уровень обустройства, социально-культурный потенциал и т. д.

Изучение урбанизации в СССР в 30—80-х годах показало важность *концентрации населения и производства в стране с огромной территорией как наиболее эффективного пути ее освоения*. Об этом свидетельствует и опыт других аналогичных по территориальным масштабам стран, таких как Канада или Австралия. И не случайно все эти годы у нас наблюдался процесс концентрации

населения в основных узлах и ареалах преимущественного развития, во многом вопреки государственным доктринам ограничения роста больших городов и более равномерного расселения.

Однако длительное отсутствие стратегии урбанизации, четкого выделения основных ориентиров городского развития привело к негативным результатам. Стремление одновременно «развивать все разом» (и большие, и малые, и средние города) и создавать сотни новых (иногда очень крупных) городов на огромной, в значительной части слабо освоенной территории практически не позволило решить на современном уровне ни одну из этих задач. То же во многом относится и к региональному развитию. Поэтому так важны ныне выборочность и очередность в развитии и городов, и регионов.

В условиях перехода к рыночной экономике с новыми «правилами игры» еще более усиливаются *тенденции к сжатию интенсивно используемого пространства*: ведь рынок беспощадно «выбраковывает» не только нерентабельные предприятия и целые отрасли, но, соответственно, и определенные типы и группы городов и целые территории «второго эшелона» (Крайний Север, Северо-Восток, некоторые районы Сибири, Дальнего Востока и др.). Речь при этом не идет о выделении каких-то «выборочных» городов и районов. Просто государству сегодня, в условиях кризиса, непосильны крупные затраты по развитию всего и вся одновременно.

Таким образом, урбанизация как один, но весьма показательный фактор регионального развития подтверждает целесообразность изменения его вектора в России с восточного на западный. Эта концепция предусматривает перелом тенденций прошлых десятилетий — от фронтального крупномасштабного движения на восток и север, не считаясь с огромными затратами, к выборочному, тщательно продуманному освоению сравнительно немногих районов восточнее Урала. Основное же внимание должно уделяться в ближайшие годы дальнейшему развитию урбанизированных старопромышленных районов европейской части России, потенциал которых еще очень далек от исчерпания.

Со сжатием интенсивно используемого пространства, видимо, еще более возрастут мозаичность, территориальная дробность, фрагментарность социально-экономического развития страны, что потребует детальных предварительных исследований, в первую очередь охватывающих урбанизированные структуры разного типа. Это создаст благоприятные пространственные предпосылки для преодоления кризиса российских городов, требующего, разумеется, длительно-го времени и больших усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Palen J.* The Urban World. New York, 1981.
2. *Ахиезер А. С.* Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.
3. *Гольц Г. А.* Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия // Известия РАН. Серия географическая. 1994. № 3.
4. *Пивоваров Ю. Л.* Современная урбанизация. М., 1994.
5. Город как социокультурное явление. М., 1995.
6. *Лейзерович Е. Е.* Уровни организации пространства: экономико-географический анализ // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 2.
7. *Коган Л. Б.* Демократия без городов? Новосибирск, 1993.
8. *Пивоваров Ю. Л.* Географическое учение об урбанизации: проблемы и поиски решений // Свободная мысль. 1995. № 4.
9. *Szymahska D.* New Towns in Regional Development. Torun, 1993.
10. Международная конференция «Культура молодых городов». Заключительный отчет. М., 1994.